
Е.А. Бузько¹
Москва

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО В ОЦЕНКЕ М.Е. САЛТЫКОВА

В статье рассматривается связь Салтыкова со славянофильским направлением русской мысли, диалог писателя с крупнейшими деятелями славянофильства, с семьей Аксаковых в частности. Основное внимание уделено разнице в отношении писателя к раннему и позднему периодам славянофильства.

Ключевые слова: славянофильство, западничество, почвенничество, старообрядчество, официальная идеология, крестьянская община, идиллическое воззрение, аскетическое воззрение.

Е.А. Buzko
Moscow

SALTYKOV-SHCHEDRIN'S OPINION ON SLAVOPHILIA

The article discusses Saltykov's relation to the Slavophilist trend in Russian philosophy, the writer's dialogue with major figures of Slavophilia, with the Aksakovs family in particular. The article author's special attention is paid to the difference in the novelist's attitude to the early and late periods of Slavophilia.

Key words: Slavophilia, Westernism, Pochvennichestvo (Return to the Soil), Old Believers, official ideology, peasant commune, idyllic outlook, ascetic outlook.

Тема «Салтыков и славянофилы» в щедриноведении не нова, но остается востребованной и актуальной по сей день, поскольку идеологические установки, господствовавшие в советском литературоведении, долгое время служили преградой для научного изучения как мировоззрения Салтыкова в целом, так и отношения писателя к такому многогранному и неоднозначному явлению, как

---

¹ Елена Александровна Бузько, кандидат филологических наук.

славянофильство. Отрадно, что квалификация Салтыкова как революционного демократа осталась в прошлом, а тезисы о борьбе писателя-«материалиста», который «прямо издевается над славянофилами» [Яковлев, 1948, с. 85], об «открытой критике славянофильских идей» [Петров Г.В., 2007, с. 469] в рецензии Салтыкова на книгу инок Парфения сегодня нуждаются и в переоценке, и в комментариях.

Отечественное литературоведение советского периода видело в Салтыкове писателя очень далекого от славянофильского миропонимания, выступающего против «краеугольных камней» современного ему общества, против тезисов Достоевского о смирении, народе-богоносце, русском избранничестве, западническом скитальчестве. Но слово «западник» закрепилось за Салтыковым больше по традиции, тем более что основанием для этого служили воспоминания самого писателя: «Я только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно, примкнул к западникам. Но не к большинству западников (единственно авторитетному тогда в литературе), которое занималось популяризацией положений немецкой философии, а к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Разумеется, не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Се - . Оттуда лилась на нас вера в человечество, отсюда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное – все шло оттуда» (14, с. 111-112).

Однако этой исповедью поколения «сороковых» Салтыков лишь предварял свой «художественный суд» Запада, противопоставляя идеалы Французской республики буржуазной пошлости. Характерно, что писатель в первую очередь ведет речь о духовной и литературной жизни Европы. И анализ этой жизни необходим ему прежде всего для осмысления судьбы России.

Цикл «За рубежом» вызвал особую заинтересованность у современников Салтыкова как попытка пробудить «сознательное отношение русской мысли к русской действительности» (14, с. 115). Не случайно, И. Аксаков в 1880-е гг., дав высокую оценку циклу в

целом, назвал его автора своим «вернейшим союзником», а «Разговор мальчика в штанах и мальчика без штанов», являющийся квинтэссенцией цикла [Кошелев, 1996. с. 86-94], определил как «чисто славянофильскую вещь» [Шарапов, 1975, с. 309]. К слову «западник» в отношении Салтыкова необходимы серьезные пояснения, потому что «слишком уж русским по душе, даже определенно и типически великорусским человеком был этот западник, Салтыков» [Амфитеатров, 2013, с. 548]. Западничество Салтыкова, т.е. верность высоким просветительским идеалам, нисколько не противоречило живому интересу Салтыкова к славянофильству.

Знакомство Салтыкова со славянофилами приходится на чрезвычайно значимый в его жизни период, когда писатель вернулся из Вятки и начал в Петербурге новую служебную, литературную и светскую жизнь. Особое отношение ко второй половине 1850-х гг. у Салтыкова сохранится на протяжении всей жизни, и в очерке «Имярек» он будет вспоминать об этом периоде как о «самом кипучем времени его жизни, времени страстной полемики, усиленной литературной деятельностью» (16-2, с. 323). Как известно из биографии Салтыкова, в 1856–1857 гг. он близко общался с И.В. Павловым, С.А. Юрьевым, которым обязан личным знакомством с крупнейшими деятелями славянофильства: А.С. Хомяковым, семьей Аксаковых, А.И. Кошелевым, Ю.Ф. Самариним. Именно к этому периоду острой полемики между западниками и их оппонентами относится письмо Салтыкова к его близкому приятелю Павлову: «Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития: а реформа-то Петра¹, ты видишь, какие результаты принесла. Господи, что за пакость случилась над Россией? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то немецкою. Надо в удельный период залезать,

---

¹ Отношение к петровским реформам, которые, по мнению Салтыкова, имели «характер переходный и дисциплинарный и впоследствии послужили источником очень значительных неудобств» (9, с. 230), не следует путать с высокой оценкой писателем самой личности Петра как человека не только «обширного ума», но обладающего «несомненно прекрасным внутренним миром» (9, с. 231).

чтобы найти какие-либо признаки самостоятельности. А ведь куда это далеко: да и не отскоблишь слоев иноземной грязи, насевшей, как грибы, на русского человека» (18-1, с. 179).

Пытаясь исторически соотнести рационализм, вышедший из «начал Запада», с «внутренним духовным разумом» [Киреевский, 1998, с. 155] России, славянофилы пришли к выводу о несопоставимости этих начал. Несмотря на то, что единого представления о будущем развитии страны у старших славянофилов не было, все они считали «разрушение жизни» русского народа следствием насильственной петровской реформы. Славянофилы никогда не могли принять то, что по их представлениям было чуждо народу. И такими для них были не только преобразования Петра, но и всякое насильственное вмешательство в русскую жизнь. Салтыков также опасался «противоестественных последствий» подобного вмешательства, в том числе тогда, когда в рецензии на книгу инока Парфения выступал против возвращения древних аскетических воззрений в современное общество [5, с. 68].

О невозможности возвращения в допетровскую Русь писали и И.В. Киреевский, и А.С. Хомяков, и К.С. Аксаков. Убежденные в том, что возвращать «русскую стихию» насильственно «было бы смешно, когда бы не было вредно» [Киреевский, 1998, с. 163], славянофилы находили в истории народа то следование христианскому учению, в котором они видели духовный стержень России. Они считали, что сущность христианского мировоззрения сохраняется в религиозном чувстве народа, носителе истинной веры. Идеальное начало русской истории, по их мнению, необходимо искать в тех глубинах народной жизни, которых не коснулась насильственная европеизация. Отсюда интерес всех деятелей славянофильства к прошлому: собирание и изучение памятников древней русской письменности, устного народного творчества, в частности, духовных стихов, сохранившихся главным образом у старообрядцев. Необходимо обратить внимание на то, что старшие славянофилы занимали особую позицию, и подчас очень сложно провести четкую границу между «чистым» западничеством и «чистым» славянофильством¹. Помимо того

---

¹ См.: [Кошелев, 1984. с. 29-33].

славянофилы постоянно находились в поиске, их воззрения менялись, а полемика составляла ту атмосферу, в которой существовало направление.

В большинстве славянофильских выступлений говорилось именно о началах, о «корнях», хранящихся в глубинах народной жизни [Кошелев, 1984, с. 9]. Речь шла и о разумном привнесении этих начал в современность. Безусловно, любовью к русскому народу, интересом к его быту, критическим отношением к русской действительности, неприятием всего, на чем лежала печать насилия, произвола, нравственной низости, отличались и западники, но на миропонимание Салтыкова повлияло и личное общение со славянофильским кругом, в частности с семьей Аксаковых. Салтыков довольно хорошо знал Константина и Ивана Аксаковых. В письме к А.С. Суворину от 2 октября 1884 г. И. Аксаков сообщал, что Салтыков состоял с ним и с братом «в приятельских отношениях», навещал покойного Сергея Тимофеевича и был близок к их направлению [Письма русских писателей к А.С. Суворину, 1927, с. 20].

В исследовании «самобытных проявлений русской жизни» [Аксаков К., 1995, с. 328] семье Аксаковых принадлежит важная роль. Все Аксаковы выросли в обстановке глубокого сочувствия к народной жизни. Для Салтыкова постижение духовной жизни народа особенно было связано с вятским периодом, с его служебными поездками по старообрядческим местам. Оказавшись «в самом источнике народной жизни», он на практике узнал мир старообрядцев, пытался постичь суть их миропонимания, учился «распознавать» истинную веру народа.

Еще в статье об А.В. Кольцове, иронизируя по поводу комедии К. Аксакова «Князь Луповицкий», Салтыков упрекает ее автора как раз в том, что тот не достигает своей сатирой нужной цели, т.е. не поражает «действительных представителей известного воззрения» (5, с. 14). Истинное желание быть «сильными и оригинальными», по Салтыкову, выражается в том, чтобы эту «силу и оригинальность почерпать в тех материалах, которые должны дать прочную основу нашей науке и нашему искусству» (5, с. 15). Эта

мысль была определяющей и в эстетике К. Аксакова¹, взгляды которого оказываются во многом близки Салтыкову 1850-х гг. Оба понимали необходимость эстетического освоения мира, доселе «чуждого» послепетровской литературе. Религиозное мирозерцание народа, ставшее в этот период предметом особого внимания Салтыкова, приводит его к мысли о возрождении той настоящей литературы, которую чаяли обрести славянофилы. В очерках «Отставной солдат Пименов», «Пахомовна», «Аринушка» Салтыков создает типы праведников, стараясь воспроизвести и представить точку зрения самого народа, что вполне отвечало славянофильским интересам. Серьезные поиски автора «Губернских очерков» в области нового «поэтического языка», характерные для писателя на протяжении всей его жизни, начинаются именно в этот славянофильский период его творчества, с попыток «узаконить полуславянскую речь народа» (18-1, с. 191), со знакомства с книгой Парфения. Свою рецензию на «Сказание...» Салтыков начинает с тезиса о том, что настоящая литература должна быть «выражением народной жизни».

Признаки истинного искусства, которые молодой К. Аксаков находил в «Илиаде», Салтыков увидел в поэзии Кольцова. По мнению Салтыкова, в таланте поэта заключено «глубокое отвращение от всякого преувеличения», а «предметы вдохновения» «слишком конкретны, чтобы дать большой простор фантазии читателя, чтобы породить в душе его ложное самодовольство» (5, с. 23). Созвучных высказываний в творчестве К. Аксакова и Салтыкова немало. Первый считал, что «отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение, – значит лишать его участия в общем деле человечества» [Аксаков К., 1995, с. 315]. Салтыков во всей русской литературе не находил личности, равной Кольцову, именно потому,

---

¹ См. у К. Аксакова: «Всего более чести в наше время ученым занятиям, предмет которых Россия со всех сторон. Изыскания, исследования, преимущественно по части русской истории и русского быта, должны настоящему быть делом всякого русского, равнодушного к вопросу мысленной и жизненной самобытности в России; это личный вопрос каждого из нас. Общее дело России должно быть частным делом каждого русского» [Аксаков К., 1995, с. 338].

что тот «первый обратился к русской жизни прямо, с глазами, не отуманенными никаким посторонним чувством, первый передал ее нам так, как она есть, со стороны ее притязания на жизнь общечеловеческую» (5, с. 31). Очевидное влияние К. Аксакова на Салтыкова сказалось не только в области художественного творчества, но простиралось много дальше и касалось отношения к проблеме народа, нации и государства¹.

По К. Аксакову, критериям художественной ценности в 1850-е гг. вполне отвечали только «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука» [Аксаков К., 1995, с. 327]. В спокойном, бесстрастном повествовании С. Аксакова можно найти то отсутствие у автора цели произвести эстетическое наслаждение, то полное соответствие слова предмету, которые отличали творения древних веков и в которых славянофилы видели главные признаки истинного искусства. Именно его произведения озаменовали для славянофилов начало серьезной литературной деятельности². У автора «Семейной хроники» присутствовала «эпическая ясность и простота», стремление художественно «примирить высшие начала жизни с формами народной действительности» [Гиляров-Платонов, 2008, с. 547], которые позволяли назвать Аксакова художником в высшем смысле этого слова.

О глубоком уважении Салтыкова к автору «Семейной хроники» свидетельствуют многие источники. Работая над «Губернскими очерками», Салтыков посвятил С. Аксакову первопечатную публикацию рассказов серии «Богомольцы, странники и проезжие» и намеревался снабдить таким же посвящением предполагавшееся продолжение серии. В августе того же 1857 г., когда появились «Богомольцы...», Салтыков в письме к главе семейства Аксаковых признавался: «Я с особенною любовью работал над “Богомольцами” и откровенно сознаюсь, что Ваши прекрасные

---

¹ См.: [Иванов-Разумник, 2013, с. 493].

² Слово Сергея Аксакова противопоставлено всей русской литературе «как идеал, как норма» в программной статье первого номера «Русской беседы» [Гиляров-Платонов, 2008, с. 540-605]. Несомненно, К. Аксаков полностью разделял эстетическую позицию Н.П. Гилярова-Платонова, но не мог говорить об этом свободно, ибо «восхвалять сочинения знаменитого отца значило для него то же, что восхвалять себя самого» [Кошелев, 1995, с. 40].

произведения имели решительное влияние как на замысел, так и на исполнение скромного труда. – Мысль, проводимая через весь ряд рассказов этой рубрики <...> – степень и образ проявления религиозного чувства в различных слоях нашего общества <...> предстоит еще много, и если Вам угодно будет одобрить мое намерение, то я и последующие рассказы буду иметь честь посвятить Вашему имени» (18-1, с. 181-182). Однако замысел «последующих рассказов» не был осуществлен, а те, которые появились в «Русском вестнике», были включены в отдельное издание «Губернских очерков» 1857 г. на правах раздела. При этом посвящение рассказов С. Аксакову было снято и в дальнейшем уже не возобновлялось [Макашин, 1972, с. 149]. Впечатление от «Семейной хроники» как о «драгоценном вкладе», который ее автор внес в русскую литературу, Салтыков сохранил до конца жизни. Необыкновенной теплотой пронизаны его строки о С. Аксакове в «Пошехонской старине». Близость картин «Семейной хроники» и «Пошехонской старины», в основе которых лежат личные воспоминания, историческая достоверность описаний дореформенного помещичьего быта, эмоциональная сдержанность позволяют предположить влияние прозы Аксакова на хронику Салтыкова.

Сотрудничество Салтыкова с И. Аксаковым во многом объясняется общностью их интересов: И. Аксаков хорошо знал провинцию, имел опыт следствия по раскольническим делам и в 1850-е гг. был чужд идеализации русской жизни. Особенно показательно сходство позиций И. Аксакова и Салтыкова в отношении к расколу: обоих приводила в недоумение искреннее стремление старообрядцев обрести истину, сопровождавшееся очевидными заблуждениями. Подобно Салтыкову, И. Аксаков пытался и не мог согласовать «высокую нравственную сторону (способность на любую жертву и муку) с безнравственностью предмета убеждения» [Аксаков И., 1994, с. 64].

В общественном сознании середины XIX в. старообрядчество представляло собой крупное социально-историческое явление и уже не отождествлялось с варварством и невежеством. Большая заслуга в популяризации и историческом осмыслении старой веры принадлежит славянофильскому направлению. Позиция старообрядцев в их

отношении к прошлому России, несомненно, была близка славянофилам¹. Осуждая реформы Петра, критически оценивая западную культуру, восставая против секуляризации общества, славянофилы отстаивали то единство народа и церкви, веры и культуры, которое надеялись обрести сторонники старой веры. Между ними и старшими славянофилами существовало и еще одно объединяющее звено – община. Старообрядческая община отвечала представлениям славянофилов о жизнеустройстве, сохранявшем связь времен, преемственность поколений, религиозный и нравственный уклад народа. В славянофильском понимании общинный строй предполагал независимость общества от государства: «народ ответствен за дух и социальную политику страны, а государство – за полицейское спокойствие и внешнюю политику» [Зеньковский, 2009, с. 486], т.е. община была неким воплощением ценностей, восходивших к старообрядческому недоверию государству.

Вопрос о христианской (или крестьянской) общине и его понимание Салтыковым остается до сего времени наиболее сложным и непроясненным. И хотя уже во второй половине 1850-х гг. Салтыков находил, что община «не представляет в себе достаточных условий и для достижения того нравственного совершенства, той полной свободы духа, к которой должен стремиться человек» (5, с. 478), интерес к общине сохранялся у писателя на протяжении жизни. С.Н. Кривенко вспоминал о «чисто русских общинных склонностях» Салтыкова, который чувствовал, что истина «в этой стороне», но что «формы жизни» для общины еще не пришли² [Кривенко, 2013, с. 424].

В «Пестрых письмах» герой Салтыкова признается: ему одно время «начинало казаться, что община скажет что-то новое». Взгляды героя «Пестрых писем» далеко не всегда можно отождествить с позицией автора. Однако говоря о своих кратковременных надеждах на общину, герой «Пестрых писем» (между прочим, поклонник

---

¹ См.: [Зеньковский, 2009, с. 485-486].

² Еще одним, хотя и не безусловным, подтверждением этого интереса Салтыкова служат воспоминания С.А. Унковской, которая пишет, что писатель беседовал с крестьянами о сельской общине и считал, что в пореформенное время община губила сельское хозяйство, лишала отдельных крестьян свободы [Мемуары, 2009, с. 180-181].

Белинского и Грановского) оценивает общину с точки зрения человека 1880-х гг. и, скорее, с позиции оппонента западников: «Теперь большинство славянофилов убедилось, что есть община и община; что община, на которой славянофилы когда-то созидали благополучие и силу России, не обеспечивает ни от пролетариата, ни от обид, приходящих извне; что, наконец, будущая форма общежития, наиболее удобная для народа, стоит еще для всех загадкою. Напротив, по странной случайности, бывшие западники, ставши ближе к кормилу, примирились с общиной, потому что с нею сопряжена круговая порука. Не нужно сложной мозговой работы, чтобы управлять» (16-1, с. 380). Хотя образ автора писем «обладает весьма большой смысловой амплитудой» [Тюнькин, 1974, с. 483], в приведенном монологе герой стремится к объективной оценке прошлого. Представляется, что в общине западников Салтыков видел порочное «удобство круговой поруки», в общине славянофилов – порабощение личности «в пользу личности коллективной».

Мысль о несовместимости начал древней русской жизни, в том числе и общины, с будущим развитием «молодого, но крепкого, исполненного жизни общества» (5, с. 68) пронизывает весь текст рецензии Салтыкова на книгу инок Парфения. В этой статье Салтыков предлагает читателю свое отношение к различным воззрениям на русскую народность. Из всего многообразия воззрений, распространенных в 1850-е гг., писатель подвергает критике три главные: «воззрения сонные», «воззрения идиллические» и «воззрения раздражительные или жёлчные» (5, с. 477). Показательно, что третьего рода воззрение Салтыков выделил только в первоначальном варианте статьи. По мнению автора, сторонники этого воззрения «смотрят на русскую народность как на что-то растленное, из чего, несмотря ни на какие усилия, не может произойти ничего положительного и плодотворного», во всяком явлении русской жизни они «видят следы обскурантизма и убеждены, что не стоит защиты такое явление, которое само себя защитить не может» (5, с. 479). В процессе работы над статьей Салтыков исключил критику «раздраженных», иначе – западников-космополитов. Макашин объяснял это тем, что писатель «склонен был в некоторой

мере относить и себя к упомянутому западническому воззрению» [Макашин, 1966, с. 533].

Подобному суждению противоречит в первую очередь сам текст рецензии на «Сказание». Во-вторых, следует обратить внимание на определение «прискорбные» [ИРЛИ, ф. 366, оп. 1, № 11], употребленное писателем в рукописи [Бузько, 2014, с. 128]. Характерно, что в последней редакции Салтыков вовсе не упоминает представителей «раздражительных или желчных», иначе «прискорбных» воззрений на русскую народность. Спор с ними, как, впрочем, и со сторонниками театральной, официозной народности, писатель считал бесполезным. Салтыковское обличение направлено на идиллическое воззрение, и в литературоведении господствует суждение о том, что под этим подразумевалось славянофильское направление [Яковлев, 1948, с. 85; Макашин, 1966, с. 539; Петров, 2007, с. 469]. Однако в статье о «Сказании» Салтыков не называет имен оппонентов. «Поборников» мрачно-идиллического воззрения писатель именует «нашими Тирсисами» (5, с. 479), «ненавистниками лукавого и гниющего Запада» (5, с. 38). И можно предполагать либо неизвестного читателю оппонента, либо такого, который мог «выстраиваться почти по законам художественного образа и не совпадать до конца ни с одним из реальных прототипов» [Зыкова, 2006, с. 195-196]. То и другое побуждает обратиться к общественно-литературному контексту полемики между славянофилами и западниками.

Метафора о «гниении Европы» была употреблена в статье В.Г. Белинского «Сочинения В.Ф. Одоевского», но распространение получила благодаря М.П. Погодину и С.П. Шевыреву¹, этим «неизменным спутникам» славянофилов, которые много писали и

---

¹ Белинский употребил это словосочетание, иронизируя над взглядами Шевырева. Последний не употреблял выражение «гнилой Запад», но в статье «Взгляд русского на современное образование Европы» писал: «Да, в наших искренних дружеских тесных сношениях с Западом мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферою опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет» [Шевырев, 1841, с. 247].

говорили о «нездоровье» Запада, в том числе в «Москвитянине». Однако «ненавистниками лукавого и гниющего Запада» стали называть именно славянофилов [Серов], упрощенно толкуя их понимание истории, ошибочно трактуя¹ положение о превосходстве России перед Западом, когда славянофилы вели речь о ее преимуществе. Черта, разделяющая славянофильское направление и официальную идеологию, для многих современников в прошлом не была столь очевидной. По выражению последовательного западника К.Д. Кавелина, для большинства славянофильство представляло «смесь просветительских и прогрессивных идей с обскуратизмом и реакционными замашками» [Кавелин, 1899, стб. 1135].

Но была существенная разница между официальной идеологией и славянофильским направлением. Прекрасно осознавая внутренний разлад между народом и правительством, славянофилы выступали против административного подчинения народа государству, против бюрократических указов, регулирующих русскую жизнь. По Хомякову, высокая миссия русского народа определена его стремлением к Богу, которое подразумевает согласие с христианским законом самого «родословия» народа. В славянофильской идее духовного единения людей не было места той безусловной покорности, тому беспрекословному равнодушному подчинению власти, о которых писал Погодин в своей статье «Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала» [Погодин, 1846, с. 55-82]. Славянофилы отказались от участия в «Москвитянине» именно вследствие своего категорического противостояния погодинской концепции, согласно которой русский народ покорно принимал духовные ценности, приходящие извне.

Любые выступления против власти для сторонников официальной идеологии означали противонародные действия, при этом надежды возлагались на отечественную государственность, немислимую для них без твердой руки самодержавия. Православие и народность у Погодина и Шевырева имели качественно другое наполнение, нежели в славянофильской интерпретации. Однако реальность была такова, что славянофилам приходилось выступать в

---

¹ См.: [Кошелев, 1984, с. 45-47; Кошелев, 2000, с. 219].

погодинском журнале, а Погодин был вхож в дом Аксаковых. И хотя Хомяков определил «Москвитянин» как «юродивое проявление русского толка и смысла» [Кошелев, 2000, с. 219], сами славянофилы не раз ошибочно принимали за «своих» и Погодина, и Шевырева.

Имя Погодина оказывается в одном ряду с идеологами славянофильства и у Салтыкова, который ставит его вместе с именами Хомякова, Самарина, К. Аксакова (16-1, с. 380), то упоминает с И. Аксаковым (5, с. 140, с. 297). Вряд ли можно говорить о том, что Салтыков не мог достаточно четко разграничить взгляды славянофилов и представителей «теории официальной народности»: со славянофильством он был знаком довольно хорошо, и в хронике «Наша общественная жизнь» за март 1863 г. назвал И. Аксакова единственным оставшимся в живых к этому времени представителем славянофильства» (6, с. 72).

Глубинные разногласия между старшими славянофилами и откровенными «охранителями» касались не только определения места церкви и роли государства в жизни России. Они лежали глубже и заключались в различном понимании внутренней свободы русского человека. Именно это различие Салтыков запечатлел в цикле «За рубежом». По замечанию И. Аксакова, он «в двух словах», «гениально» выразил славянофильскую мысль: истинные основы бытия не могут быть подчинены договорам и распискам, иначе – западническому государственному регламенту, который по своей сути оказывается продажным.

Салтыков противился такому порабощению личности, при котором «жизнь утрачивает свою цельность и делается лишь тем подвигом послушания» (5, с. 38), которое подразумевает смирение личности. Подобные проповеди Салтыков находил не только у так называемых спутников славянофилов, но и у И. Аксакова. Ограничение и даже полное низвержение человеческих интересов в чью бы то ни было пользу, по Салтыкову, неизбежно приводит к уродливым результатам. В течение всей жизни, находясь на любом поприще, писатель ратовал за условия для всестороннего развития личности, потому не принимал аскетизм во всевозможных его проявлениях, аскетизма младших в пользу старших, слабых в пользу сильных; аскетизма отдельных личностей в пользу общины, мира и т.д. Он опасался всяческого

культивирования верноподданнических чувств, любой идеологии, когда смирение и терпение считались высшими добродетелями, а послушание выставлялось главной чертой русского национального характера. В рецензии на повести Кохановской Салтыков писал: «Высший общественный идеал заключается совсем не в жертвах и принижениях, а в том, чтобы интересы частного лица и интересы общества шли рука об руку <...> Тут не может быть речи ни о смирении, ни о прощении, ибо ни на то, ни на другое никто не имеет не только повода, но и права. Это принципы, равно непригодные к жизни, равно не содержащие никаких положительных результатов» (5, с. 372).

Подвиг послушания в пользу искусственных интересов – один из трагических мотивов как в ранних, так и в поздних произведениях Салтыкова. Писатель категорически выступал против убеждения, что «земля есть юдоль скорбей, в которой люди должны терпеть», а именно такое убеждение становится «законом жизни» простеца, который «открыт и беззащитен со всех сторон» (12, с. 114). Деятельность таких простецов, или Молчалиных-аскетов, не может быть ни полноценной, ни полезной обществу. Потому так называемый спрос «на загнанность и беззаветность» Молчалина-аскета Салтыков считает очевидным признаком большого общества. В размышлениях Салтыкова о безрадостности существования простеца, опутанного «со всех сторон обузданием» и усмиряющего в себе всякий позыв на протест нетрудно увидеть укор и славянофильским выступлениям, и государственной политике, и религиозной проповеди.

Возвращаясь к истории взаимоотношений И. Аксакова и Салтыкова, напомним, что их взгляды разойдутся накануне реформы 1861 г., когда закончилось раннее бытие славянофильского направления, когда уже не было в живых ни Киреевских, ни Хомякова, ни К. Аксакова. Позднее славянофильство станет предметом сатиры писателя, а с его идеологом И. Аксаковым Салтыков будет вести полемику на протяжении многих лет.

В публицистике Салтыкова эта полемика далека от одностороннего высмеивания оппонента, это прежде всего диалог о старой Руси и онемеченной Русляндии, о «Подвигах русских гуляющих людей за границей», о польском вопросе, о Тамбовской губернии и т.

д. Этот острый диалог сложно назвать противостоянием: он полон диалектики, иронии, а иногда искреннего сочувствия и даже участия. И если в «жесткой» щедриной сатире, по замечанию С.Ф. Дмитренко, «всегда есть нечто более тонкое, чем просто рукопашная с противником» [Дмитренко, 2013, с. 886], то это особенно чувствуется в диалоге Салтыкова с Аксаковым.

В отличие от этого, полемика Салтыкова с Ф.М. Достоевским, с почвенниками выглядит совершенно иначе. Писатель обвиняет их в отсутствии мировоззрения и им же противопоставляет славянофилов: «По-видимому, вы хотите усвоить себе славянофильские воззрения, но усваиваете только помой этого воззрения, и ни один славянофил, конечно, не взглянет на вас без сожаления» (6, с. 521).

В не опубликованной при жизни статье «Литературные кусты» Салтыкова подчеркивает тот факт, что вера славянофилов в творческие возможности народа, осознание внутреннего разлада между народом и государственной системой и, главное, протест против позорной крепостной зависимости были присущи не только славянофилам, но и их оппонентам. Очень важной оказывается оценка Салтыковым того значения, которое он придавал «борьбе» между славянофильством и западничеством¹: «...гораздо более широкое, нежели то, которое ей приписывается близорукими ее судьями» (6, с. 511).

Нельзя не обратить внимания не только на резкий, но раздраженный тон Салтыкова, направленный главным образом на Достоевского, но затрагивающий всех почвенников. Укоряя последних в неразумном неприятии европейских ценностей, Салтыков высказывает важную мысль о том, что «Петровская и допетровская России нужны были в этом споре (западников и славянофилов. – Е.Б.) не как доказательства, а как доступные в то время формы доказательств. И действительно, когда явилась возможность согласиться насчет реформ Петра, то споры об этом предмете

---

¹ Данная Салтыковым оценка исторического значения славянофильства по сути совпадает с высказыванием А.И. Герцена и отношением последнего к Хомякову и К. Аксакову как к «благородным, неутомимым деятелям», с которых начался «перелом русской мысли» [Герцен, 1958, с. 9-10].

прекратились очень скоро, а вслед за тем и название “западников” утратило свой смысл» (6, с. 511). В пореформенное время высокие стремления и чаяния старших славянофилов были подменены птичьим гомоном «стрижей» и «словесными упражнениями без подлежащего, сказуемого и связки» (6, с. 502), по своей сути не отличающимися от казенного патриотизма «Русского вестника» и «Московских ведомостей».

И как тут не вспомнить Плешивцева из «Благонамеренных речей», который под словом «почва» понимает что-то очень загадочное, «вращает глазами и вертит руками в воздухе» (11, с. 414)! Почвеннический патриотизм для Салтыкова такой же ложный, как и патриотизм западника-государственника Тебенькова: оба «благонамеренные», оба «мало чем отличаются друг от друга, оба признают необходимость «почвы», оба консерваторы, оба сторонники аристократического принципа, оба религиозны, оба разделяют человечество на пасущих и пасомых, оба уважают народность» (11, с. 417). Триада, которой поклоняется Плешивцев: религия, почва, любовь – «так называемая русская подоплека», которую тот «не может более ясно определить», хотя «ожидает от нее очень многого». Но для Салтыкова благонамеренность Плешивцева-Тебенькова обозначает идеологию, подразумевающую под патриотизмом пропаганду народного терпения, ограничивающую представление об отечестве государственными регламентами, путающую охранительство с народностью. К сторонникам подобных взглядов щедринская сатира беспощадна: орудия «стрижей»-почвенников, по мнению Салтыкова, есть всего лишь «обглоданные кочерыжки, выбрасываемые из псевдославянофильской поварни «Дня». Характерно, что метафора-гротеск здесь затрагивает уже не только «стрижей», но и издание И. Аксакова.

Острые сатиры Салтыкова направлено на славянофильскую печать, изменяющую тем исконным принципам, которые были заложены при становлении направления и которые исповедовали старшие славянофилы. В хронике «Наша общественная жизнь» писатель обращается к И. Аксакову, обвиняет его уже не иначе как в западничестве: «Если вы действительно хлопчете о земле, то для вас это будет ясно. Но это вам только так кажется, что вы хлопчете о

земле, да притом еще об *русской* земле. В сущности, вы проповедуете ту же самую политическую теорию, которая давным-давно процветает на Западе <...> Чем же вы отличаетесь от тех, которых называете “западниками”? Или, в самом деле, только тем, что история, писанная Мстиславами Удалыми и Иоаннами Грозными, милее для вас, нежели история, писанная лейб-гвардии Преображенским полком? Да ведь это ваш каприз. А вы полюбите историю, писанную преображенцами, и возненавидьте историю, писанную Мстиславами, – все это в ваших руках» (6, с. 74).

Салтыков не приемлет разграничения общественных задач для каждого сословия, он поднимает вопрос о сближении разных слоев общества и видит «западническую направленность» взглядов Аксакова в том, что в своих выступлениях тот не выходит за рамки существующей в государстве системы межсословных отношений. Под вопросом о *земле* Салтыков подразумевал в первую очередь вопрос о крестьянине. И в упреке Аксакову слышится неутраченная боль писателя за поильца и кормильца русской земли. Как и старшие славянофилы, Салтыков понимал необходимость выработать самостоятельные формы общежития и считал, что «без этих форм в будущем стране предстоит только мучительное умирание» (14, с. 165).

Вопрос об этих «самостоятельных формах», так остро звучавший у старших славянофилов, так и не был ими разрешен. Остались загадкой они и для Салтыкова. Но одно он знал точно: то, каким хотел бы видеть свою страну – не государство, а отечество: «Я желал видеть мое отечество не столько славным, сколько счастливым

– вать себя подлинно славным, как не тот, который сознает себя подлинно счастливым?» (13, с. 334-335)

Нет сомнения, что в своих творческих исканиях, в исследовании народной жизни Салтыков шел собственным путем. Однако славянофильские воззрения во многом повлияли на писателя. Убеждения Салтыкова противостояли не сути славянофильского направления, а неверной трактовке его основополагающих тезисов как идеологами официальной народности, так и поздними славянофилами

и почвенниками. В таких насаждаемых триадах как «самодержавие – православие – народность», «религия – почва – любовь» Салтыков видел не что иное, как охранительство. А именно ему так противился писатель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков, И.С. Письма к родным, 1849–1856 / Изд. подготовила Т.Ф. Пирожкова / И.С. Аксаков. – М.: Наука. 1994. – 652 с.

Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева / К.С. Аксаков. – М.: Искусство, 1995. – 527 с.

Амфитеатров, А.В. Михаил Евграфович Салтыков (26 января 1826 г. – 27 апреля 1889 г.) / А.В. Амфитеатров // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra: личность и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей / Антология: Книга первая / Сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 497-555.

Бузько, Е.А. «Сказание» инока Парфения в литературном контексте XIX века / Е.А. Бузько. – М.: Индрик, 2014. – 282 с.

Герцен, А.И. Константин Сергеевич Аксаков / А.И. Герцен // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. 15. – С. 9-11.

Дмитренко, С.Ф. Щедриноведение и М.Е. Салтыков / С.Ф. Дмитренко // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 866-887.

Иванов-Разумник, Р.В. История русской общественной мысли / Р.В. Иванов-Разумник // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 489-494.

Гиляров-Платонов, Н.П. Семейная хроника и воспоминания С. Аксакова / Н.П. Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н.П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Сост. и коммент. Ю.В. Климакова. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. – С. 540-605.

Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество: В 2 т. / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина / С.А. Зеньковский. – М.: Ин-т ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. Т. 2. – 688 с.

Зыкова, Г.В. Славянофилы и раскольники: роль М.Е. Салтыкова в создании одного русского полемического клише / Г.В. Зыкова // Филологические записки. Вып. 25. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 192-198.

Киреевский, И.В. Критика и эстетика / Сост., вступ. ст., прим. Ю.В. Манна / И.В. Киреевский. – М.: Искусство, 1998. – 463 с.

Кавелин, К.Д. Собрание сочинений: В 4 т. / К.Д. Кавелин. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. – 1256 стб.

Кривенко, С.Н. Михаил Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность / С.Н. Кривенко // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 391-426.

Кошелев, В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов: 1840–1850-е годы / В.А. Кошелев. – Л.: Наука, 1984. – 196 с.

Кошелев, В.А. «Не право о вещах те думают, Аксаков...» / В.А. Кошелев // Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – С.7-42.

Кошелев, В.А. «Исторический дворник петербургского периода...» / В.А. Кошелев // М.Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий. Материалы научной конференции / Ред.-сост. Р.Д. Кузнецова, Е.Н. Строганова. – Тверь, 1996. – С. 86–94.

Кошелев, В.А. Алексей Степанович Хомяков: жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 512 с.

Макашин, С.А., при участии П.Г. Рындзюнского. Примечания [Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения] // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1966. – С. 533-541.

Макашин, С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. Биография / С.А. Макашин. – М.: Художественная литература, 1972. – 600 с.

Мемуары С.А. и М.А. Унковских о М.Е. Салтыкове / Вступит. ст., публ. и коммент. М.В. Строганова // Щедринский сборник. Выпуск 3 / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис. 2009. – С. 143–206.

Письма русских писателей к А.С. Суворину. – Л.: Публ. библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1927. – 228 с.

Погодин, М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала / М.П. Погодин // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. – М.: Тип. Августа Семена, 1846. Кн. 1. – С. 55–82.

Тюнькин, К.И. Примечания / К.И. Тюнькин // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 16. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 16-1. – С. 479-523.

Шарапов, С.Ф. И.С. Аксаков о М.Е. Салтыкове: (Из моих воспоминаний) / С.Ф. Шарапов // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 1. – С. 308-309.

Шевырев, С.П. Взгляд русского на современное образование Европы / С.П. Шевырев // Москвитянин. – 1841. – № 1. – С. 219-296.

Яковлев, Н.В. Щедрин и Аксаковы в пятидесятых годах / Н.В. Яковлев // Труды отдела новой русской литературы (Пушкинский Дом). – М.: Л.: Изд. АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 81-98.

Петров, Г.В., при участии К.И. Тюнькина. Салтыков // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – Т. 5. – С. 466-479.

Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/4/49.htm> (дата обращения: 24.09.2015).

Архивы

ИРЛИ. Ф. 366. Оп. 1. № 11. Из архива М.М. Стасюлевича. – «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения. В 4 частях. Издание второе с исправлениями. Москва». – Рецензия. Черновая рукопись (незаконченная).